

18+

СЕРГЕЙ Д'ЛИС

Тот, кто был мной. Автопортрет

ТОМ 2

The background of the lower half of the cover is a teal-colored geometric pattern. It consists of a grid of small white dots. Overlaid on this grid are larger, stylized white shapes that resemble interlocking chevrons or a complex lattice structure, creating a textured, crystalline appearance.

Сергей д'Лис
Тот, кто был мной.
Автопортрет. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70708705

ISBN 9785006293090

Аннотация

Это вторая из трех частей данного материала. Я хочу начать знакомство читателя (или читателей) именно отсюда. Если людям понравится, продолжу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Рольф Бесстрашный	5
1. Двойник	5
Глава 2. Самый минимум	34
Глава 3. Маршрут	42
Глава 4. Когда юным был	50
Глава 6. Великая сила искусства	62
Глава 7. Позолоти ручку	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Тот, кто был мной. Автопортрет Том 2

Сергей д'Лис

© Сергей д'Лис, 2024

ISBN 978-5-0062-9309-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-9310-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Сергей Лисс

Тот, кто был мной (том 2)

Глава 1. Рольф Бесстрашный

1. Двойник

Мне был сон (или видение).

Я был в Городе На Самом Краю мироздания, огражденном лишь стальными перилами, за которыми начиналась бескрайняя Великая Бездна. Холодная и мрачная, откуда невозможно вернуться. Город возвышался над ней, выступал подобно уступу на теле земли. Оживленный, окольцованный и расчерченный сеткой дорог, он устремлялся ввысь небоскребами и фабричными трубами, дымящими каждый миг своего существования. Город миллионник, где гул и гвалт никогда не прекращался. Никто будто бы и не замечал, что черное Небытие находилось совсем рядом. Достаточно было лишь дойти до перил на окраине.

Но Он входил в Город с другой, западной стороны. Каждый день, на протяжении, казалось, бесчисленного количества лет. Он входил в город всегда, строго следуя своему графику, который можно было исчислить. Шел твердой и важной походкой, чеканил каждый свой шаг. Высокий и статный, одетый в строгий костюм с золотым отливом, Он шел, подняв голову, смотрел лишь перед собой, заметно выделяясь среди чуть сторбленной, семяющей и спешащей толпы.

Пронзительный взгляд Его был устремлен сквозь нее, сквозь дома, сквозь Город в черную Бездну впереди. Он шел прямо к ней, гордый и надменный, бесстрашный и хладнокровный. И чем ближе подходил Он к краю, тем борднее становился его костюм, будто наливался кровью.

Но все дело было в том, что физически Он никогда не пересекал стальных перил в самом конце улицы. Я видел как Он медленно растворялся в воздухе, и перед самой Бездной просто исчезал, не оставляя от себя и следа. Уходил во всемогущую Бесконечность, неподвластную Бескрайней Бездне. И тогда Его место занимал Его двойник, неспешно выплывал из воздуха и физически материализовывался на краю обрыва, обретая свежую плоть. Он тоже был одет в строгий костюм, и алый, кровавый цвет ткани шаг за шагом двойника светлел и менялся, приобретая прежний золотой блеск.

Но больше не менялось ничего. Все та же прямая походка, более чем уверенная, хозяйская четкая поступь. Все та же прямая спина и приподнятая кверху голова, сквозной непоколебимый взгляд. Впрочем, нет. Была еще мощнейшая энергетика, излучаемая двойником на окружающий его Город На Самом Краю. Алое сияние костюма его ложилось на дома и машины, будто отражалось от стен, будто отражалось от застывшего воздуха. И замирало само время в момент этой плавной встречи оригинала со своим двойником. Короткое, практически молниеносное мгновенье, всего один

вдох мой, останавливалась даже черная Бездна по ту сторону стальных перил. Сила двойника, казалось, накрывала весь Город, чтобы утопить в новом алом свете. Но люди не замечали этого фантастического мгновения. Для суетной сутулой толпы появление двойника оставалось практически незначительным событием, привычной обыденностью, пресной, бесцветной.

Для меня же в моем сне (или видении) было важно оказаться ровно в момент между этими двумя гордцами. Я чувствовал нечто, готовое открыться мне тогда. Великий Секрет, великие Знания, утраченные сторбленной толпой. Именно для этого мне был дан шанс оказаться в Городе На Самом Краю. И я следовал за Ним, в золотом смокинге, проталкиваясь сквозь безликую людскую массу, перебегая дорожные перекрестки с высокой угрозой оказаться под колесами автомобилей. Я успевал за Ним, не упустил из виду ни на долю секунды. Я слышал брань и недовольство в свой адрес, слышал насмешки и откровенные сомнения в правильности своей погони. Но Смысл был важнее; Смысл не давал мне устать, хотя ноги гудели от неустанной трусцы, которой я передвигался по улицам вслед за Ним, не замечавшем назойливого преследователя.

И вот я был на месте, и Он уходил в свое недоступное для меня укрытие, а на смену Ему появлялся двойник. И в тот же момент стальные перила на краю Бытия и черной Бездны пропали, и больше не осталось никаких преград. В ту секун-

ду я стоял лицом к лицу с Темной Великой бесконечностью, рискуя упасть с самого обрыва. Но я почему-то не боялся. Вместо этого я проснулся, оказавшись в самом эпицентре Тьмы, тогда она открыла мне свои тайны. Я был в своей комнате, наблюдая ночной город, слыша его звуки, вдыхая его запахи, чувствуя его тягучий ритм. Я видел двойника в бордовом костюме, выходящего прямо из недр ночи. В тот момент он был единственно реальным, нежели его призрачный оригинал. Я видел его приближение по мере того как минута за минутой ночи уходили в небытие, приближая момент утреннего пробуждения. Но в тот момент голова моя была наполнена самыми разными образами, выхваченными мной из Великой Бездны. Я вдруг понял, что она никогда не была пустой, тая в себе неисчерпаемые богатства событий, заставлявших мое сердце биться в волнении и замирать в восторге каждую ночь.

Тогда же двойник заметил мое присутствие. Я встретил его чистый открытый взгляд, лишенный знакомой мне остроты и презрения. Но от того он не был лишен природной магической силы. Это был взгляд повелителя, перед которым невозможно было бы устоять. Двойник проникал в меня, заполняя мое сознание нежным алым светом догоравшего и рождавшегося вновь Солнца.

И вот я вновь оказался на краю Бездны. Я смотрел прямо в нее, наблюдал захватывающие и невозможные в реальной жизни события сновидений, хотел оказаться в самой гу-

ще их, среди незнакомых и близких мне людей на приятных глазу и казавшихся родными просторах, сформированных для меня двойником. Я видел зеленые луга и холмы, накрытые шапкой облаков, расчерченные кривыми руслами рек. Как в какой-то сказке там были поселения и целые города и замки. Там определенно были мир и покой, так резко отличавшиеся от унылых и душных стен Города На Самом Краю. Двойник смотрел на меня, не двигаясь с места, и время не спешило возобновить свой ход. А я не мог оторвать взгляда на чудесный мир под ногами. И это по моей вине Мироздание зависло в неопределенности.

А потом двойник протянул ко мне свою руку, коснулся моего лица теплыми невесомыми пальцами, тонкими и изящными. От прикосновения их все тело мое тело сжалось в удовольствии, а глаза и не думали разлипаться. Двойник подтолкнул меня, направил в плавный полет над сказочным миром, совершенно точно зная о моем стремлении найти все возможные ответы на мои вопросы. И время вновь пошло вперед, и двойник направился через весь Город На Самом Краю, выполняя свою бесхитростную работу, не замечаемую мелкими на фоне высоток и заводских труб людьми. Ему предстояло проделать долгий путь, чтобы в конце вернуться в исходную точку и встретить нового самого себя...

...без окончания...

(время звучания 05.00)

2. В поисках смысла жизни

1.

Я был Жрецом.

Не могу сказать, что это тяжелый труд. Единственное, к чему я не мог привыкнуть – наличие помощников. Мне всегда казалось, что жертвоприношение слишком личная процедура, в которой не должно быть других свидетелей кроме взора с небес. Впрочем, плевать я хотел на все эти поклонения и кровожадные ублажения безумных божеств, придуманных безмозглыми ленивыми идиотами. Они готовы были платить и платили за мою работу. Что ж, оплата меня устраивала.

И им нужен был такой как я. На самом деле я оставался для них мясником, наемником, который не задавал бы вопросов, и резал бы несчастных «избранных» подобно какой-то машине, непригодной для чего-то другого. Одетый в какие-то цветастые тряпки, на самом деле я делал это, ведомый запахом смерти, с которой привык рука об руку. Я давно утратил перед ней чувство страха. Даже наоборот, жаждал увидеться с ней еще раз. Кто-то может подумать, что я безумец, опасный кровожадный зверь. Наверное так и есть. Эта мысль давно поселилась в моей собственной голове. И, кажется, это единственное, что оставалось в ней неизмен-

ным, окруженным бесполезными фрагментами моего сознания. И даже когда я получил свой шрам на лице, казавшийся смертельным, ожидание конца не имело для меня должного значения.

Их пещера охотно приняла меня, с волнением ожидавшая от меня свершения каждого нового ритуала. Как сейчас помню эту каменную тропу, освещенную факелами на стенах. Без труда можно услышать шипение огня в них, дополняющее мягкий низкий гул толщи стен и потолка. Монотонная и кажущаяся жуткой мелодия, услышать которую предназначено совсем немногим. Даже жертва, ведомая на смерть, слышит лишь погребальную тишину каменных сводов. Как правило, это девчонка в тунике, совсем молодая, можно сказать, еще не познавшая глубину светлых чувств. Видите ли, у этих безмозглых двуногих баранов почему-то сложилось такое мнение, что ради получения материальных благ достаточно лишить жизни того, кто по природе своей призван эту жизнь дарить и поддерживать до полноценного ее появления на свет. Всего один удар ножа способен вызвать дождь в засушливый день или же победить чью-то болезнь. А то и еще интереснее – кровь ради одобрения и скрепления богами брачных уз. О том, чтобы искать причины невзгод в реальном мире до них элементарно не доходит. Про себя я ненавижу их, я презираю их, я насмехаюсь над их примитивностью. Но каждая избранная в жертву девчонка и впрямь хороша собой. Кого-то из несчастных мне действительно жаль.

Жертва практически не противится своей ужасной участи. Она подготовлена к тому, чтобы расстаться с жизнью, мозги ей промыли основательно. И теперь она готова умереть во благо своему народу. Это великая честь для нее, быть заколотой подобно безмозглой скотине. Не зря же именно ее выбрали в дар богам. Она снимает с себя тунику и ложится на жертвенник без сторонней помощи, гордая от того, что от нее зависит благополучие ее родных и близких, друзей и подруг, всех тех, кого она знала. Жертву нет необходимости как-то удерживать, сжимать твердой хваткой ее ноги и расправленные в стороны руки. Она не фанатик. Просто сила убеждения, с которой воздействовали на ее сознание, достаточно велика. И это определенно облегчает мою работу. В противном случае мне бы пришлось слушать ее истерику и мольбы о пощаде. Ненавижу все эти слюни и сопли.

Но девушка и вправду хороша собой. Страстная, статная, ей бы впору быть стиснутой в мужских объятьях, таять и млеть в ласках. Ей бы без ума любить и быть горячо любимой. Однако, времени восхищаться манящим девичьим телом у меня нет, таковы условия моей работы. Никаких лишних контактов с жертвой быть не должно. Снаружи ждут сердце девушки на обозрение толпы в знак того, что жертва принесена. Она не будет мучиться в предсмертной агонии: для меня нет проблемы нанести удар в нужное место. В очередной раз излагая заученный несложный текст молитвы, поднимаю над ней жертвенный нож. Двумя рука-

ми сжимаю его рукоять с тонким и кажущимся коротким, но тяжелым лезвием, которое необходимо очищать от крови и подтачивать после каждого ритуала. Каменная рукоять выполнена в форме вытянутой головы без нижней челюсти, клинок задуман как язык. Боги должны вкусить кровь юной жертвы...

2.

Но они так и не спасли этот недалекий народ от полного уничтожения более продвинутыми в технологиях захватчиками. Те не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Выжили лишь единицы, спрятавшиеся в глубине родных территорий. Я знал о предстоящем геноциде и разграблении захваченных земель, ради которых и было совершено вторжение. И хоть я не боялся и по-прежнему не боюсь смерти, я никогда не был самоубийцей, бездумно лезущим под пули с голой жопой. Тем не менее, я пустил кровь кое-кому из попавшихся мне при моем бегстве воинственных и беспощадных чужеземцев...

Привязанная длинной веревкой к берегу, лодка плавно качается на зеркале воды. Но вглядываясь в холодную водяную бездну, я не могу разглядеть ни фрагмента из той мрачной картины, о которой помню во всех деталях. Я не могу разглядеть ни одного из милых приятных лиц всех тех несчастных красавиц, чья кровь заливала стройные хрупкие тела, забрызгивала жертвенник, стекала мне под ноги. Вода

не желает отражать мои воспоминания, так холст отторгает кисть художника, стремящегося воплотить свое воображение при помощи кистей и красок. Ибо там слишком много невинной крови, неоправданной жестокости по отношению к тем, кто только-только начинал дышать, кому предстояло быть нежным цветком, но кто так и не стал им.

Здесь, в лодке, я будто прозреваю во второй раз. Я убийца, жаждущий крови фанатик, всю свою жизнь посвятивший оружию и умению им пользоваться. Каждый новый день начинается для меня с надежды увидеть другой мир, далекий от животного буйства, сказочную идиллию, покой и процветание, откуда не хотелось бы возвращаться. Но чем выше и ярче солнце, чем меньше теней вокруг, тем меньше во мне сомнений в том, что я должен оставаться самим собой. Тем меньше во мне раскаяния, тем меньше оправданий. И тогда каждая моя жертва несет в себе определенную значимость. Как можно больше невинной крови – вот все, что нужно этому миру. Тогда мне кажется, что он основан на ней, что он требует невинной крови каждый момент своего существования. И я принадлежу к числу его верных слуг, а возможно, его единственный мессия, цель которого – сохранять сложившийся с самого начала порядок.

Жертвенный нож – все, что мне удалось унести с собой при бегстве во время истребления. Он всегда при мне, как трофей, ставший частью меня. Сидя в лодке, я часто и подолгу рассматриваю его, вожу пальцами по самому острию

клинка, насквозь пронзившего немало сердец. Последнее из них билось в груди красавицы... черт, я даже имени ни одного не знаю. Мне просто не нужно было знать их имена. Избранница. Даже в заученной молитве звучало лишь Избранница. Невысокая, среднего роста, с густыми черными локонами волос, добрым открытым личиком, всем своим видом она будто предупреждала меня о том, что все, что она последняя. Я видел ее бирюзовые глаза – нежные и ясные. На миг мне показалось, что в них полно горя. И смирения с предстоящим убийством. Она сомневалась тому, что ее ожидало; сомневалась, обнажаясь у меня на глазах, сомневалась, опускаясь на жертвенник. Все движения ее были осторожными и неуверенными. Лишь в самый последний момент она поняла, что не должна умереть вот так. И тогда же принимала смертельный удар со всей своей обреченностью перед решением родителей, которому нельзя было перечить. Ведь в том заключалась ее предназначение, чтобы исполнить роль агнца на заклание. Она видела как жертвенный нож опускался, сжатый двумя руками, чтобы с невыносимой болью вонзиться ей прямо в грудь. И в предсмертной агонии она была прекрасна. Тогда она будто раскрылась, обнажая все свое естество.

Я вижу ее всякий раз когда рассматриваю нож. Как будто именно для этой цели я подолгу задерживаю взгляд на холодном и горячем от крови ее клинке. Как будто с этой целью нахожусь в своей лодке и слышу недовольный голос во-

ды вокруг. И если я попытаюсь выбросить нож, вода не примет его, он так и будет лежать на поверхности до тех пор, пока я не подниму его. Но все дело в том, что я не собираюсь пытаться избавиться от своего трофея. Я вижу лицо последней Избранницы вместо собственного отражения в стали клинка. И вновь я вижу печаль и смирение в ее глазах. Вижу, пока туман висит над водой, пока туман скрывает яркий солнечный свет. Ближе к полудню туман обязательно рассеется, и тогда клинок вновь обагрится кровью. Потемневшей и засохшей, но не утратившей запаха, от которого я обязательно испытаю несказанное облегчение. Проклятье, кажется, защипало в глазах...

...без окончания...

(время звучания 10.30)

3. Спросить победителя

Я был Жертвой.

И я ждал этого момента. Где-то внутри я предвидел такой исход. Схватка, не убившая меня, но оставившая неизгладимый шрам на моем лице, навсегда привила мне это чувство предвидения неудачи. Войдя в тот лес, я встречался со своей судьбой, и это куда больший враг в сравнении с любым возможным чудовищем. Это где-то на подсознании, когда интуиция предсказывает победу или поражение вне зависимости

от полученных навыков драться. И тогда исход становится ясен еще до начала сражения.

В лесу меня ожидал враг, с которым я никогда раньше не встречался. Все мои предшественники погибали в бою с ним, несмотря на месяцы и даже годы усиленных тренировок. Меня никто не звал одолеть его, никто не платил огромных сумм денег на всю мою оставшуюся жизнь. Я слышал о постоянных неудачах, только распалывших мой интерес к чудовищу, и с каждым днем мысль встретиться с ним в битве один на один становилась крепче. Я вошел в лес тайно, и никто бы даже не узнал о моей смерти.

Сладкий, чуть приторный, запах встретил меня на подходе к ближайшим деревьям. Прежде я не видел таких густых лиственных крон, таких высоких полуголых стволов. Это они были источником смертельного аромата, дурманившего и искажавшего рассудок всякого, кто посмел бы войти в лесную чащу. Деревья были отравлены этой пахучей субстанцией, невидимой людскому глазу, неосязаемой кожей, напитавшей их изнутри. Чудовище убило всех зверей, всех птиц, погрузив лес в гробовую тишину и неподвижность. И я уже слышал удары погребального колокола в голове, а недавний шрам на лице неприятно заныл. В моих руках был только мой меч, никакого дальнобойного оружия, ни лука, ни арбалета, ни ружья. Я не привык к подобным приспособлениям, предпочитая им старый добрый клинок, который пока еще ни разу не подвел меня.

Но пройдя по лесу несколько шагов, я понял, что в этот раз у меня ничего не получится. Однако возвращаться я уже не мог, захваченный раскинувшейся на весь лес силой монстра. Я чувствовал его дыхание, теплое, домашнее, усыпляющее, даже пленившее всего меня целиком. Я не знал куда идти, но шел, ведомый им по вязкой сырой земле. Я шел, не обнажив меча, сила чудовища уверяла меня не делать этого, заставляла поверить ей.

И я верил даже когда первые клейкие нити чиркали меня по лицу, так и норовили попасть в рот. Тонкие острые волосы, пронзающие воздух, легко пронзающие сладостным дыханием манящего меня в свою ловушку монстра, пронзающие мой мозг, они стегали меня изнутри. Я понимал, что дышал ими, что наполнялся ими, разъедавшими и растворявшими меня без остатка. Они приятно отнимали у меня силы. И чем дальше я шел, тем нитей становилось все больше. Так хотел я сам, зачарованный их тонкой и плавной вибрацией, воплотившей в реальность весь этот захваченный чудовищем, пропитанный его ароматом лес.

Постепенно лес пришел в движение, обнажая замороженному сиянием клейкой массы и бесконечным переливчатым звоном нитей моему взору огромную паучью сеть. Она была сплетена из проложенных к логову монстра троп, между которыми сырая земля превращалась в болото, откуда уже нельзя было выбраться, но которое служило альтернативой быть завернутым в паучий кокон. Монстр ждал меня в самом

центре своей ловушки, поначалу сливаясь с деревьями как какой-нибудь хамелеон. Лишь когда у меня не осталось сил идти по вязкой земле, и я просто встал на одном месте, паук явился во всей своей черно серой величественной красоте. И какой же он был огромный, занимавший собой почти всю сеть. Один лишь размер чудовища гипнотически завораживал жертву, которая попросту не могла отвести взгляда от огней глаз его. В голове моей все шумело и резонировало, сверлящее жужжание достигало самых далей моего естества. Но хоть кожа моя покрылась мурашками с головы до ног, страха я не испытывал. Наоборот, я пребывал в полнейшем восторге, сложив про себя целое панно из мелькавших внутри меня фрагментов – высоких и низких частот, светлых и темных тонов, в итоге представивших мне всю глупину торжества. Ведь я наконец-то добрался до сути, ведомый страстным желанием встретить Нечто, о котором так много слышал, о его могучей силе, против которой человеку было невозможно устоять. И вот я встретился с ним лицом к лицу. И, кажется, для меня уже не имел значения исход этой битвы. Битвы, которую я не мог выиграть.

И вот когда торжество в голове моей достигло небывалой высоты, напрашиваясь на переход к окончанию, сверкнувшие в воздухе когти впились в паучью плоть. Они подняли чудовище, чтобы отбросить его как можно дальше от жертвы. В следующую секунду крик хищной птицы, кажется, орлиный или соколиный, (я никогда не разбирался в птицах),

раскатился над лесом, ураганной волной пронесся от края до края сквозь каждое дерево, сквозь каждый куст, всколыхнул опавшую листву. Птица зависла у меня перед глазами, отгородив меня от паука, вцепившегося в свою паутину. Отчаянно размахивая большими крыльями, мой защитник выставил точеные стальные когти вперед, готовый вступить в смертельную битву. Без проблем птица выдерживала плевки паутиной и колющие выпады мохнатых паучьих лап. Она низко кружила над маневрирующим по своей сети пауком, который то и дело привставал на задних лапах с намерением зацепить невесть откуда взявшегося и опасного врага. Однако у паука не было ни единого шанса; чудовище понимало свою обреченность, и все, что ему оставалось – смириться со своим поражением.

Я слышал его печальный голос, наполнивший лес. Обесиленное и жутко израненное острыми когтями птицы, оно смотрело на меня, освободившегося из смертельной ловушки. Голос монстра походил на плач, на слезы матери, оплакивавшей мертвое дитя. Птица не убила паука, стремившаяся лишь освободить его новую жертву. Но этот плач заставлял мое сердце сжиматься в ответной печали, настолько сильным, настолько центральным во всей этой конструкции чередовавшихся друг за другом мгновений он был. Можно сказать, этот плач открыл для меня весь смысл последних минут жизни, весь смысл этого леса, этой встречи с ужасным врагом. Он служил завершением их. И тогда это были очень

сильные эмоции, охватившие меня, едва лес остался позади. Они озарили мой мозг догадкой о том, что птица все это время парила надо мной, высматривала опасности на моем пути, и не замедлила исполнить свой долг в лесу. Птица должна была существовать. И, кажется, паук знал об этом, и потому его скорбь была грандиозным финалом моей с ним встречи. Она стихала медленно и плавно, оставаясь в моем мозгу спустя время и расстояние, отделявшие меня от леса. Стихала, призывая меня вновь и вновь возвращаться в те незабываемые – страшные и чарующие мощные – минуты, возможно, часы. И, проклятье, кажется, я на самом деле могу проходить сквозь них, и хищная птица летит за мной верным и надежным защитником...

...без окончания...

(время звучания 08.24)

4. Сокровище

Я был Демоном.

Самой судьбой мне было суждено оберегать Сокровище. Важное, бесценное, самое дорогое, что имелось на свете. Многие пытались хотя бы просто взглянуть на него. И тогда в дело вступал я. Жесткий и хладнокровный, беспощадный и сильный. Я всегда нападал первым, давил саму попытку добраться до священного и неоскверненного чужим взором

места. И даже мне нельзя было увидеть Сокровище таким, каким оно являлось в действительности. Но я откуда-то знал, ЧТО ИМЕННО должен был оберегать, и оттого моя миссия лишь становилось важнее всех людских мирских богатств. Знал с самого рождения, знал еще в утробе матери. И это она наделила меня могучими силами, благодаря которым я всегда опережал дерзких смертных, намеревавшихся не только увидеть, но и забрать Сокровище с собой, в любой точке земного шара.

Со мной нельзя было договориться. Сокровище поселилось в моей голове, оно зависело от меня, и я целиком и полностью принадлежал ему. Я слышал его зов, я видел его волшебное Священное сияние, ради которых стремился жить и побеждать очередного алчного безумца. Конечно, многим из них вряд ли бы удалось найти вход в Священное место, откуда я наблюдал за людскими замыслами похода за Сокровищем. Оно всегда указывало мне нужное направление для пресечения очередной попытки отправиться в путь. И я во время наносил очередной удар, физически уничтожая всех участников планируемой экспедиции. Либо собственноручно, либо устраивая несчастные случаи, что, впрочем, не имело значения. Ведь я никогда не прятался и не скрывал лица. Как не скрывал своих намерений недопущения приближения алчных смертных к Сокровищу.

Обо мне слагали легенды, мною матери пугали своих непослушных детей. И еще алчные людишки пытались най-

ти способ дать мне отпор. Они разрабатывали оружие, которым меня можно было бы остановить, уничтожить. Они вычисляли пути моего появления. Они делали все, забывая при этом о причинах, побуждавших меня лишать их жизни, настолько стремление заполучить Сокровище было им важнее.

Я не ненавидел их, несмотря на все те блага, достигнутые ими путем разрушения, о котором мать неустанно рассказывала мне. И хоть я наблюдал разрушения своими глазами, ужасные и масштабные, хоть я знал о том, кто был виновен в них, ненависть в моих деяниях была бы, скорее, моим собственным раскаянием, на которое смертные убогие существа никогда не были способны. Я видел иссушенные русла рек, искусственно повернутых вспять ради осушения некогда цветущих лесов, на местах которых вырастали обезображенные, высотные каменные короба, бессовестно копирующие друг друга. Они безжизненно возвышались, окруженные иссушенными и такими же мертвыми долинами, абсолютно голой пустошью, раскаленной беспощадным солнцем. Люди задыхались в этих ловушках, возводимых своими руками, а когда шел дождь, я видел каждую его каплю – черную, ядовитую, игравшую в лучах солнца маслянистой разноцветной пленкой. Над коробами и днем и ночью висел синий вонючий смог, отравлявший последние клочки чистого воздуха. Смог давно заменил смертным лазурь неба, и ради него они втыкали бесчисленное множество труб в плоть моей матери, качая из нее кровь, медленно и навверняка от-

нимая у нее жизнь. Они уже забрали у нее дыхание, глотая отравленный воздух, перевариваясь и закисая в своих коробах, и Сокровище было последним, что оставалось у моей матери, защищаемое мною от поругания и разрушения.

Оно хранилось глубоко под землей. Лишь в одном месте можно было найти вход в почти бездонную пещеру, грот, казалось бы, нескончаемо уходивший вниз. И в самом его конце открывалась бездна, мерцавшая завораживающим желтым и красным светом, излучаемым Сокровищем, находящимся еще глубже. Лишь мне суждено было наблюдать этот свет, чувствовать его тепло, приятное и согревающее, на которое было способно Сердце моей матери, Сердце Земли. Я знал, что ради меня оно билось все это время. Я слышал его неустанно, каждый миг своей жизни. Бесконечная сладкая песнь, от которой силы мои только множились. Я слышал Сердце Земли в тихом мертвом гуле пустоши и разгулявшегося ветра над ней. Тихая дрожь, сухая вибрация – я всегда слышал лишь это. И с рождения мне незнакомы другие звуки, не имеющие для меня смысла. Потому что я знаю о своем предназначении.

Я знаю когда кану в Небытие. Мне известен день и час моей смерти. И никому из алчных смертных не ускорить ее. Лишь когда Сердце Земли остановится, я исчезну раз и навсегда. Но я знаю, каково будет мне тогда. Потому что я вечен. И утратив свои силы в одном месте, я обрету их где-то еще. Я жив пока живы смертные, ищущие лишь своего кон-

ца. Одна за другой Земли рождают меня снова и снова с целью их собственного самосохранения. И с каждым следующим появлением на свет я слышу лишь гул мертвой пустоши и умирающее Сердце своей матери, последнее Сокровище, имеющее ценность. Но только не для смертных, готовых обернуть ценность в нечто уродливое, и неумолимо убивающее их самих.

Итак, я был Демоном.

...без окончания...

(время звучания 15.10)

5. За пределами стального шторма

Я был Солнцем.

Я звучал как солнце – далеко и всепроникающе, достигая всех уголков Вселенной. Будто гость из иного мира, неведомого прежде состояния тишины и блаженства; свободный, покинувший пределы черной бездны, я будто прошел тоннель, наполненный холодным блеском, что окружал меня прежде. Будто и не должен был следовать изгибам черного луча, из чрева которого я явился на свет. Но вот я был, взошел над Миром, видевшем стальной шторм во всей его полноте и мертвом торжестве. И понял, что солнце всегда жило во мне, наполняло теплом каждый мой вдох и выдох, сияло в каждом моем звуке, охватывало своими лучами все сущее

с каждым моим движением.

И за пределами стального шторма было иначе. Лежали зеленые цветущие луга и долины, простиравшиеся на кажущиеся бесконечными расстояния. Роса сверкала на каждом листике травы, стоило лишь мне присмотреться получше, воздух был чист от соленого привкуса стали, согретый моим дыханием. Я парил в нем, расправив руки подобно крыльям одинокой и гордой птицы, не отторгнутый им чужак откуда-то из других времени и пространства, но однородного с воздухом естества. С захватывавшей высоты я восторгался безмолвной притихшей с моим появлением панорамой ярких и насыщенных цветов и красок, что пробудились после тяжелой, но сладкой ночи. Покрывала нетронутых лесов, исчерченные узорами голубых рек и чистыми пятнами озер, оживали, разбуженные моим негромким восторгом. И голос мой мчался во всех направлениях, наполняя собой утреннюю небесную синеву. Возвышенный и ясный как свет, накрывший своими ладонями невинную и тихую снежную гладь, заставивший ее искриться всеми цветами радуги, мягкий, чуть приглушенный, мой голос окружал меня, отражаясь от далеких и оттого незримых преград. Я слышал его без искажений.

Я слышал его, и мне открывались секреты, спрятанные чернотой ночи внизу. Мой голос обнажал треугольные цветастые крыши (с печными трубами и без) маленьких домиков, проложенные повозками колеи, петлявшие по зеленым

долинам, но несколько не уродовавшие их, даже наоборот, заботливо скрываемые густыми древесными кронами и кустарниками. Будто заброшенные много лет, колеи пустовали пока я скользил над ними по воздушной глади на одной высоте. Но я знал, что это было не так. Мир подо мной только разлеплял глаза, оживал, время сделало всего шаг после паузы, взятой на момент ночи. И вот я уже видел телеги и крытые повозки, ведомые лошадьми. Я видел пашни и поля, возделываемые людьми в рабочих рубашках и штанах. Сила и легкость в движениях окружали их. Они делали свое дело с охотой и любовью, не принуждаемые барской рукой. Они были равны друг перед другом, вольные, свободные от глаз невозможных для этого мира надсмотрщиков. Лишь единство с землей, с травой, с деревьями и реками, окружавшими их повсюду, каждый день и час питавшими их жизнь, придавало им сил. Я чувствовал как те люди наслаждались каждым днем, равнозначно принимали его дары и невзгоды, вдыхали сладкий восход солнца и чистоту утра, внимали моему голосу, раздававшемуся повсюду, пребывая в гармонии с бесконечным и прекрасным миром. Вряд ли им было известно такое определение как «рай», они просто делали свою работу, вкладывая души в свой труд получая в ответ благо в виде хорошего урожая. А если у кого-то не получалось, ему помогали, бескорыстно, сопровождая помощь добрым словом.

А по вечерам люди устраивали гуляния, собирались за общим столом, пели, откровенно смеялись, танцевали. Они

были счастливы. Как дети наивны и беззаботны. Но тогда они слышали лишь мой голос, переносивший их в страну вечной неги, непохожую даже на ту идиллию, что окружала их каждый привычный мирный день бытия. Мой голос достигал каждого сердца, кружил каждую голову, вливал новых сил в каждое тело, окрылял каждое нутро. Тогда людей наполняло особое чувство жизни, чувство сердечной радости. Знакомые им запахи и звуки казались им чем-то необыкновенным, заставляли слезиться глаза, захватывали дух.

Я вел их за собой. Мчался вперед, как можно быстрее, будто стараясь открыть людям некую Истину. Голос мой открывал им глаза изнутри. А впереди возвышались горы. Тянулись в запредельную высь, терялись где-то в густом слое облаков. Но таяли облака с моим появлением, позволив восторгу моему перестукивать от одной снежной вершины к другой, нырять и прятаться, наполнив мертвые камни и холодный снег теплом мимолетной, но невероятной жизни. Так, что я сам оказался внутри своего голоса, чтобы на миг окунуться в него с головой, чтобы нырнуть в него и не достичь дна.

И в тот момент это был Предел. Предел меня, Предел этого мира, Предел вообще всего, на что оказался способен мой восторг. Финал, мощный и всепоглощающий, как будто единственное, что имело значение снаружи стального шторма. Имело значение внутри меня. Мой голос был бесконечностью, и оказавшись глубоко внутри него, я уже не мог вы-

браться на поверхность, отдалявшуюся от меня до самых глубин Вселенной. Прекрасная, манящая, поистине райская, как и тот мир, что открылся мне внизу, освещенный мною, бесконечность дышала мне в лицо морозной свежестью горных вершин и пиков в самом эпицентре над сиявшей бездной небесной синевы.

Здесь не было ни Времени, ни Пространства. Но голос мой продолжался в то время как я сам не издавал ни звука, лишенный и набравшийся сверх мыслимых сил. Это они превращали меня в Светило, заставляли меня проливать свой свет и тепло, пронзающие раскинувшуюся вокруг бесконечность. И будто не было прежде никакого стального шторма, будто не было меня прежде. Будто не было прежде ни Жреца, ни Жертвы, ни Демона. Лишь этот голос, допустимо возможный в разной степени своей глубины. Он не мог прерваться, звучал непрерывно, циклично.

Но постепенно голос слабел и стихал, и я знал, что он раздастся вновь, в следующий раз, когда доберусь до этого места снова. Он вселял в меня надежду, придавал уверенности в самом себе, окрылял. И, кажется, он был единственным из всех доступных моему слуху звуков, в котором заключалось все мои представления об удовольствии...

...без окончания...

(время звучания 16.47)

6. Первый

Я был Собой.

Я был свободен от всех забот. И природная мощь моя главенствовала – давила и возвышалась. Ярким лучом вонзалась в небесную бездну, пронзала ее насквозь, и удерживала все мироздание от разрушения, будто сама становилась всем сущим. Фантастически прочный, несокрушимый щит окружал меня. То был мой дар с рождения. Я слышал его вибрацию, его бесконечную массу, его бездонную суть. Низкий и грозный гул, приводивший всего меня в неопишуемый трепет восторга и ужаса. Но именно внутри своей обители я слышал свое дыхание как никогда ясно. Ровные вдохи и выдохи, глубокие и полные, спокойные, не зависящие от внешних воздействий. И сердце не билось учащенно в восторге, и не кружило голову, и не захватывало дух. Наоборот, я знал, что мне было нужно. Холодный трезвый ум, острый взгляд, вцепившийся вдаль в одну точку, и не отпускавший ее из виду ни на миг, мысли ясные и четкие.

Я был собой неизменно. Я был рожден в Городе На Самом Краю, я был рожден для него. Осознание своего превосходства окружало меня искорками света, постоянно блестящими внутри моего щита, искрило тонкими звуковыми колебаниями, каждое из которых имело свою частоту. Так, будто они говорили со мной, спорили, но всегда указывали мне верное направление. Они вели меня, наполняли изнутри

с каждым моим вдохом.

И я шел к своей цели. Шел неторопливо, твердой походкой, держа голову прямо и не сутуля плеч. Раскрытый, доступный для Города На Самом Краю, но вместе с тем неприступный перед его воистину могучей силой. Я знал, что Город На Самом Краю не хотел уступать мне, однако, без меня он не продержался бы и нескольких часов. Это он зависел от меня. От меня зависело все в нем. Вся суета, все самое незначительное, все тленное. Потому для меня не существовало никаких преград. Я шел вперед, к самой окраине, прекрасно понимая, что там начинается Великая Бездна. И еще нечто новое, что не могло позволить ей проглотить меня. Да, именно поэтому я не испытывал страха. Никогда в жизни, ни разу все время своего существования. Лишь цель вела меня.

Я практически не замечал преград на всем своем пути. Я проходил сквозь них независимо от их толщи и количества. Мой щит попросту ограждал меня от любых помех. И благодаря ему я оставался собой до самого конца моего движения. Я даже не мог сказать, пытался ли кто-либо остановить меня, намеренно или же случайно встав у меня на пути. Люди, перекрестки, каменные и бетонные стены, машины – все это меня не касалось, все это было слишком ничтожным и жалким в момент моего шествия по улицам Города На Самом Краю. И лишь у перил на обрыве я ощущал себя обессиленным и таким мелким и доступным.

Там, у обрыва, мой надежный, но усталый щит исчезал.

И тогда появлялся мой двойник. Смотрел сквозь меня надменным и гордым взглядом. Природная мощь его лишь начиналась, устремлялась в бездну над головой едва набравшимся сил лучом, что питал все мироздание живительной силой. Незримый щит окружал его, мерцавшие внутри искорки света, каждая из которых имела свою частоту, будто говорили с ним и спорили, но указывали ему верное направление. Я чувствовал их как свои собственные, я чувствовал его дыхание, как будто дышал сам. Это и был я сам, новый, прошедший через Великую Бездну, очистившийся от всех возможных воспоминаний, готовый пройти сквозь Город На Самом Краю еще раз. Пройти Жрецом, Жертвой, Демоном, Солнцем, пройти, оставаясь собой. Всего один шаг отделял меня от нового цикла. Всего один мой шаг отделял Город На Самом Краю от пробуждения.

И сделав этот шаг, я слышал молитвы Жреца и агонию жертвы на алтаре, шум битвы паука и птицы, голос Сердца Земли, идиллию возделываемых полей, освеженную утренним Солнцем. То были скрытые на улицах Города На Самом Краю тайны, что я оставлял, и которые вновь намеревался постичь. Я должен был уйти, чтобы вернуться. И я не смотрел своему двойнику вслед, передо мной простиралась Великая Бездна – бесконечная и устрашающая. Но она исчезала, и вот я снова шел к своей цели, с новыми силами, с новым ровным дыханием, с поднятой головой, с холодным цепким взглядом, вонзившемся в одну точку, что располагалась

в конце моего пути. И новый несокрушимый щит окружал
меня, ограждая от всех преград.

конец

(время звучания 13.07)

Глава 2. Самый минимум

Этот сон он помнил до самого своего конца. Он понимал, что сон предупреждал его, ворвавшись в жизнь Ромы совершенно внезапно. Во сне он мчался к земле с огромной высоты. Подбитым самолетом падал по прямой траектории, оставляя за собой черный дымный след. Но не было ни огня, полыхавшего из разбитых вражескими снарядами двигателей, ни запаха гари раскаленного металла. Вместо них Рома чувствовал сильную боль, которую он безмолвно терпел, физически слившись с крылатой машиной, и потому не способный к спасительному катапультированию. Во сне земля сама тянула его к себе, требуя крови, требуя переломанных его костей и раскиданных фрагментов обгоревшего тела. Рома знал, что это была неизбежность, логичный финал взятой им высоты. И он со страшной силой ударялся о твердую землю, наблюдая за тем как тело разлетается во все стороны по частям. Тогда же Рома открывал глаза, какие-то мгновенья после пробуждения видя перед глазами свои жуткие останки.

Этот сон пришел к нему в первую же ночь после того как Рома впервые в своей жизни взобрался по строительной туре на высоту пяти метров. Тогда от Ромы требовалось вырезать в бетонной стене проем под лоток для электрического кабеля в подвальном помещении строительного объекта. И под-

нявшись, наконец, на верхотуру и встав на прочный, с виду, настил, где не было никакого ограждения, Рома испытал легкую дрожь в ногах. Нет, прежде он не считал себя акробатом, без всяких проблем взбирался дома по стремянке, да и вообще не пугался лестниц. Правда, взбирался по ним Рома очень и очень редко, крепко сжимая каждую перекладину короткими и твердыми пальцами. Не раз он видел рабочих, свободно передвигающихся по строительным лесам без какой-либо страховки на высоте пяти метров и выше. И без труда представлял себя на месте любого из них.

На стройке же Рома уже стоял на туре на высоте двух-трех метров от пола, и не больше, и так же поднимался по стремянке с инструментом в руках. Просто на такой маленькой высоте он чувствовал себя более уверенно. И в подвале с болгаркой в руках, Рома инстинктивно попытался совершать как можно меньше перемещений по настилу, фактически оставаться на одном месте. Повторимся, это было на инстинктивном уровне. В голове его будто внезапно некий барьер вспыхнул, щелкнул тумблер, ограничивший его действия по перемещению по настилу под ногами. Про себя Рома не паниковал, ну, по крайней мере, старался не допускать этого джинна на волю. Ему предстояла серьезная работа с опасным инструментом. О, да, чувство ответственности затмевало все прочие опасения. За работой Рома вообще о них позабыл, даже возникло чувство комфорта.

Это была маленькая победа для него, чувство гордости

не покидало Рому весь день. Поэтому он незамедлительно поделился своими эмоциями с напарником Лехой, едва они оба вернулись в вагончик в конце рабочего дня. Леха посмеивался в ответ, сказал, что всякое бывает. Это ведь он позвал Рому с собой на стройку, прекрасно осознавая, что тот мог лишь пользоваться перфоратором, болгаркой, дрелью, при этом ни черта не смысля в электрике. И Рома, конечно, был предупрежден о том, что ему придется стоять на рабочей туре, которая чем выше, тем шатче, впрочем, Леха на таких высотах и сам отказывался что-либо делать, не имея страховки. Не раз напарники видели наемных рабочих среднеазиатской национальности, катавших друг друга на турах высотой в двенадцать метров по бетонному полу без каких-либо страховочных тросов. Вершины этих конструкций, с находящимися на них людьми на узких и тонких мостиках, как-то не очень приятно для глаз Ромы качались, предупреждая об угрозе жизни, мягко говоря, легкомысленных рабочих, если, конечно, в тех головах вообще имелись мозги. На его счастье, Роме так и не пришлось увидеть ни одного молниеносного смертельного полета, который послужил бы результатом подобного разгильдяйства. Но набить морду каждому из этих «товарищей» для профилактики техники безопасности он был бы счастлив.

И вот этот сон – яркий, подробный, наполненный незначительными мелочами, как будто сохранившиеся воспоминания. И с каждым новым разом земля, принимавшая под-

битое дымное тело, казалась все ближе. И поначалу Рома не чувствовал этого ограничения высоты в том сне. Он провёл почти пять месяцев на объекте, и практически не замечал изменений, происходящих всякий раз, когда разбивался на части. Все потому, что этот сон иногда вспыхивал в мешанине прочих сновидений. И часто после падения сознание перебрасывало Рому в другие события, осмысленные и практически бессвязные. При пробуждении же он не чувствовал никаких негативных последствий ни на физическом ни на моральном уровнях, и оставался бодрым и полным сил работать.

Проблемы начались по возвращении Ромы домой. В первую же ночь в родной кровати он видел только один эпизод, очищенный от шелухи сторонних образов. Тогда он впервые ощутил изменения в высоте, на которой был подбит снарядом, пущенным откуда-то со стороны. Лишь скорость его приближения к черной твердой земле замедлилась. Тогда же он видел как холодна была она, разверзнутая специально для того, чтобы похоронить его бесчисленные останки. Затвердевшие, почти ледяные комки свежевскопанной для него могилы должны были накрыть его толстым покрывалом раз и навсегда. И тем не менее он был готов к этому погребению, и не испытывал ужаса во время пробуждения, во время которого сердце должно было выпрыгивать из груди, а холодный пот должен был литься как из ведра.

Однако, проснувшись, и осознав, что он находится в ре-

альном мире, Рома неожиданно обнаружил, что привычный прежде пол отделился от него. Да, он машинально опустил на пол ноги, но когда принял сидячее положение, был неприятно удивлен. И не осмеливался встать в полный рост. Неприятный холод на миг пробежал по его телу с ног до головы, внутри все неприятно сжалось, даже чуть закружилась голова. Тогда в сознании Ромы сразу вспыхнуло предположение, связующее его вещей сон с внезапной переменной в реальности. Воспоминания в одну секунду перенесли Рому на пятиметровую высоту, впервые взятую им на строительной туре. Ведь именно после того момента он начал видеть свое смертельное пике. Все резко встало на свои места, и именно об этом предупреждало его падение со все уменьшавшейся с каждым разом высоты. И, кажется, встав-таки на ноги, он понял, что в самый последний раз он врезался в землю и разбился с высоты своего роста.

Но пол отделился от Ромы не меньше чем на пару метров точно. И ноги его вытянулись и стали тоньше. Они слегка шатались и дрожали, грозя согнуться в коленях и скинуть тело Ромы с двух метровой высоты, что наверняка бы закончилось серьезными увечьями. Жена Машка с улыбкой и недоумением наблюдала за тем, как Рома махал руками по сторонам, стараясь удержать равновесие по пути к туалету. Все качалось перед его глазами. А вот жена, ноги которой так же вытянулись и утончились, вполне себе отлично могла передвигаться без возможности и страха упасть. Рома вынужден

был рассказать ей о своем вещем сне и выводе, который он сделал на основе тех образов – высота была не его стихией, в которую Рома сунулся в погоне за деньгами.

И это было только начало, и стоило Роме привыкнуть к тому, что с ним произошло, вроде оставивший его на целый месяц сон с разбивавшимся о землю самолетом посетил его снова. И тогда пол под ногами Ромы наяву оказался еще дальше. И вот Рома уже паниковал. Он, конечно, ожидал подобного развития своей напасти; ожидал, что отдаление пола под ногами не окончится так просто. И в его голове уже неоднократно возникала мысль о принуждении его к ползанию по земле. Как в старом анекдоте – доктор, я высоты боюсь. Но так оно и происходило на самом деле. Как ни старался Рома успокоить себя внушениями, что это такие галлюцинации в нем развились, что сработало какое-то нечто внутри него, какой-то механизм включился до того как он полез на строительную туру на высоту, которую должен был избегать по природе своей, сами инстинкты призывали Рому встать на четвереньки для улучшения его ходуном ходившей опоры. И со стороны он выглядел и смешно, и нелепо, и трагично. Про себя он уже давно проклял тот день, с которого все началось.

Роме требовался хороший врач, однако про себя он понимал, что ни один специалист ему не поможет. Он прикупил трость, чувствуя некоторое облегчение при передвижении с ее помощью. По крайней мере, трость притупляла дрожь

в тонких и длиннющих ненадежных ногах. Он ничего не мог с собой поделаться, был не в силах перебороть обозреваемую реальность здравым смыслом. И поэтому всерьез подумывал об инвалидном кресле каталке.

Новое и окончательное падение с совсем близкой к земле высоты, если быть более точным, с двенадцати метров, произошло спустя еще два месяца. И именно до двенадцати метров удлинлись его ноги в последний раз. И даже привычная и надежная трость теперь представлялась тонкой трубой, не способной удержать Ромин вес, готовой переломиться сразу в нескольких местах в любой момент. Пред глазами его все плыло, голова кружилась и тянула куда-то в сторону. С грязными матами, опираясь на трость и стенки, Рома кое-как добрался до туалета, чтобы просто не обгадиться в кровати. Так уж вышло, что Машка с утра уехала в контору, чтобы навести порядок в бухгалтерских отчетах перед выходными, Рома был в доме один. Конечно, она приготовила ему завтрак, однако сейчас ему было ни до еды.

Он должен был упасть. Он надеялся, что ему удастся избежать увечий, однако так больше не могло продолжаться. Смысл происходивших с Ромой мучительных странностей заключался именно в падении. Как тут не верить в судьбу: разве не за этим он поехал с Лехой на заработки? Он упал возле кровати, не спасла и трость, лишь свободной рукой Роме удалось ухватиться за матрас. И вроде Рома просто завалился на пол, но удар оказался слишком ощутимым для него,

слишком сильным в его сознании. Соприкосновение с полом могло сравниться с ударом подбитого самолета о твердую мерзлую землю, с ударом тела о бетонный пол при падении с двенадцати метров. Как будто это он находился на той высотной туре, которую перекатывали легкомысленные гастарбайтеры среднеазиатской национальности. Пестрый узорчатый палас комнаты приближался к нему совсем медленно, темнел по мере сокращения расстояния до пола, превращался в черную перекопанную массу. И хоть Рома и ухватился за кровать, он того практически не почувствовал, охваченный огнем ужасной боли, пленившей его с головы до ног. Зато почувствовал и услышал хруст собственных ломавшихся при этом соприкосновении с полом костей...

конец

Глава 3. Маршрут

...Как мне рассказывал Колян по дороге, Ваня – прежний его напарник грузаль – плакал, когда уходил. У него не было другого выхода, но если бы не болячки, Ваня оставался бы на своем рабочем месте, наверное, до конца своих дней.

– Поверь, ты тоже будешь плакать, если вдруг придется уйти, – загадочно улыбнулся Колян, – За этот маршрут многие в нашей конторе глотку готовы друг другу перегрызть. Поэтому договоренность ездить по очереди. Шесть улиц, убираются два раза в неделю. Так что три раза в месяц точно будешь в шоколаде. Но сразу говорю, этот конкретный маршрут оплачивается лишь в половину рабочего дня.

Это он притащил меня в организацию «...», занимавшуюся уборкой мусора в одном конкретном районе города. Работа, как говорится, не бей лежачего, знай, швыряй себе пакеты и мусорные мешки с отходами в лодку. После работы на складе строительных материалов такая деятельность казалась мне отдыхом.

Данный маршрут выдался мне на второй день работы. Поэтому я был в курсе ограничений по поводу того, что должен был собирать в качестве бытового мусора. Впрочем, все ограничения часто стирались уже по ходу работы, лишь бы не воевать с жителями частного сектора, по которому лодка каталась каждый день. И на многих улицах я прежде ни-

когда не бывал, даже не знал, что такие вообще были у нас на районе. Маршрут, о котором я хочу рассказать, пролегал за пределами городской черты, в частном секторе на самой окраине города, даже выходил за его пределы. Сектор был разделен напополам густым лесным массивом и дачным поселком, за которым начинались дома людей с материальным достатком. Именно там были проложены те шесть улиц, указанных мне Коляном. Признаюсь, я был впечатлен домами, высившимися за заборами из дорогого кирпича или выложенными вручную из камня.

– Хочешь секрет? – поделился со мной Колян на подъезде к коттеджам и особнякам, – Всего полгода назад здесь даже намек на какое-либо строительство не было.

– Как такое возможно? – только спросил я.

– Не имею ни малейшего представления, – пожал плечами Колян.

И это действительно было каким-то чудом, в которое с трудом верилось. Но я верил Коляну, зачем ему было обманывать? Просто, глядя на все эти коттеджи в два этажа, самые настоящие хоромы, в которых имело смысл жить большими семьями, я бы ни за что не догадался, что это место можно было превратить в целый законченный поселок всего за шесть месяцев. Чистый ровный асфальт, бордюрики, фонари – даже в городе не везде можно было встретить подобный порядок. Ну если только на площади вокруг зданий административного центра. Я видел несколько иномарок, та-

ких же чистых и ухоженных, припаркованных возле некоторых гаражей. Там были и цветочки в клумбах. Единственное чего я не видел, так это ни поста охраны на въезде в поселок, ни элементарного шлагбаума, который блокировал бы свободный доступ в этот тихий спокойный уголок. Выскочив из машины для работы, я сразу же вдохнул знакомый мне с детства приятный речной воздух, какой бывает лишь в деревне, перемешанный с запахами скошенной травы поутру. Классное чувство, что ни говори.

Возле каждого коттеджа стояла передвижная пластиковая урна с крышкой. Многие из урн были целиком заполнены продовольственными полупрозрачными пакетами и непрозрачными черными мешками. В отличие от большинства жителей на других улицах, которым было, как говорится, в падлу или просто проблематично эти самые пакеты и мешки элементарно завязать (и этот момент стал для меня откровением), в указанных мной урнах я не увидел ни одного открытого пакета или мешка. Но самый ступор овладел мной, едва я понял, что именно находилось внутри каждого из них. В первую очередь, еда. Много еды. Запечатанные консервы, запаянное в вакуум мясо, завернутые в заводские фантики и обертки сладости, соки, фрукты. Продукты будто специально собрали прямо с магазинных полок и накидали в мусорные бабки, практически их не распечатав. Своего рода, новогодние подарки детям, наполненные конфетами и шоколадом. Только вместо ярких цветастых коробочек продо-

вольственные пакеты, которые я уже видел, стоя в очереди в продуктовом супермаркете в пятницу вечером. И все посмеивался над теми, кто набирал еды как будто завтра ядерная война. И естественно, что первые же два-три таких пакета я закинул в кабину мусоровозки, то же самое сделал и Колька.

– Да, здесь все именно так, – с улыбкой закивал он в ответ на мой недоуменный взгляд, – Манна если не небесная, то подножная.

– Совсем, суки, зажрались, – только смог прокомментировать я, – Жратву выкидывают.

– Они за это платят. Они выкидывают – мы собираем.

Но для меня это было все равно как-то дико. Но разве не было для меня диким отношение людей к той работе, которую я начал день назад? Всего за несколько часов моего с Коляном маршрута вчера, я был постоянным свидетелем простейшего неумения, простите (хотя нет, не собираюсь просить прощения), срать по-людски.

Они за это платят – фраза, которой можно оправдать обычное человеческое скотство. За один только вчерашний день фразу «мы платим» я слышал не единожды. В нашем с Коляном тандеме водитель нес куда больше ответственности чем грузчик, поэтому именно я старался помалкивать в то время как он вступал в споры с тем или иным «умником», желавшем вместе с бытовыми отходами сбагрить мешок с автомобильными запчастями или с гипсокартоном, а то и с дрова-

ми.

«-Уважаемые, у вас все из лодки летит.

– Потому что завязывать мешки надо.

– Почему я должен это делать? Я плачу за ваш мусор...»

Или:

«-А этот мешок почему не забираете, ребят?

– Потому что унитаз не является бытовыми отходами.

У нас не примут его на свалке.

– Да что вы такое говорите? А за что я плачу по... рублей каждый месяц? Я буду звонить вашему руководству...»

Или вообще обвинения в вымогательстве – якобы, экипаж требовал определенную мзду за вывоз мусора, выдаваемого жильцами за бытовой.

Недопитый кефир, каша, винегрет, размороженные креветки – вот то, что я наблюдал, бросая раскрытые пакеты с мусором, откуда буквально текло ручьями. Да, работа далеко не престижная, но не настолько, чтобы меня самого считали свиньей. Я прекрасно знал куда шел, и что мне предстояло делать, уже одно мое согласие убирать, должно было бы стоить благодарности. Так что про себя, под маской возмущения, я был благодарен этим охувшим толстосумам за «мусор», что подбирал в их поселке. Подбирал, а про себя негодовал и ужасался еще больше: вот оно – работа за еду.

– Да ладно тебе париться, – успокоил меня Колян, – Ты же не бесплатно это делаешь. Бабки здесь отдают вовремя. Бабки, я считаю, нормальные, по крайней мере, моя зарплата

меня устраивает.

Да, насчет суммы я тоже был доволен. Пусть пока это были лишь обещания, но меня они радовали. По крайней мере, из конторы редко кто уходил по собственному желанию, только при необходимости.

И будто в подтверждение Колькиной невозмутимости, в одном из пакетов, уже на выезде из поселка, оказалась черная потрепанная барсетка, набитая бумажными купюрами в тысячу рублей каждая. Не скажу, сколько в общей сложности там было, но много. Своего рода, послание мне, обнаружившему эти деньги, казалось, брошенные в мусорку нарочно. Я, конечно, в силу своего характера, подумал о какой-нибудь проверке, которую я не прошел, и в следующий раз, именно по моей вине, такой халявы здесь больше не будет.

– Могут предъявить.

– Ты слишком мнительный, – заметил Колян, убрав в карман ветровки половину поделенной между нами суммы, – Те, кто здесь живет, поверь мне на слово, даже заморачиваться не будут по поводу этих копеек.

– Нихуя себе копейки! – выпалил я.

– Для них это мелочь раз жратву в мусорку выкидывают. Ладно, строго между нами, – с неохотой открылся Колян, – Не знаю насчет других в нашей конторе, но я пытался выяснить кто и что здесь. Некоторые из этих людей занимают высокие посты в городской Думе, не удивлюсь, если и в го-

сударственной. Попали они туда день в день с появлением этого поселка, попали, проплатив кому надо. Это немалые деньги, сам понимаешь. И нам с тобой будет крепче спать, если мы не станем головы себе забивать этими вопросами. Радуйся, в магазин не сходишь пару дней, денег не потратишь на унитаз.

В этом-то он был прав. Однако, в его откровениях попахивало таинственностью, даже какой-то мистикой. И в тот же момент некая гордость овладела мной от мысли, что я, можно так сказать, наведываюсь в столь важное и значимое место как данный коттеджный поселок. Но мы не собирали здесь никакого мусора. Конечно, с нашей конторой был заключен договор на уборку, но на самом деле лодка приезжала сюда на загрузку продуктами (и еще деньгами). Представления не имею, для чего и кому это было нужно. Однако, данный маршрут стирал в моем сознании всякую обиду на это людское скотство, встреченное мной в первый же рабочий день. Ради бесплатной хавки я готов был пережить даже самый натуральный свинарник, часто встречаемый нами с Колькой у мусорных контейнеров. Этот свинарник создавали сами жильцы многоэтажных домов, возле которых находились указанные мной контейнеры, иногда бросая мусорные пакеты прямо из окон верхних этажей и промахиваясь (вследствие чего пакеты рвались и лопались, разбрасывая содержимое вокруг), либо же кидая очередной пакет даже не глядя куда. А то и вовсе забивали контейнеры вся-

ким хламом: фрагментами мебели, бытовой техники, шифером и камнями, даже сгнившими овощами, землей и травой. Хватало всего нескольких часов на то, чтобы забить все контейнеры с горкой и развести вокруг них помойку.

И «мы платим» закрывало собой весь здравый смысл, все, что я пытался и пытаюсь найти в двуногих особях до сих пор. Да ну и *** с ними...

КОНЕЦ

Глава 4. Когда юным был

Это была самая настоящая японская катана. По крайней мере, он хотел так думать, и думал, вращая пустой рукой перед зеркалом. Начищенный и отточенный до идеала клинок смотрелся просто обоссаться как круто. И в его руках это было очень грозное оружие, которым он пользовался подобно непревзойденному мастеру. Прямо хоть сейчас в бой. И тогда он принимал стойку: сгибал колени, отводил левую руку чуть в сторону, держась за ножны, правой же рукой крепко сжимал рукоять, заправленного в них клинка. Всего доля секунды ему требовалась на то, чтобы выдернуть меч и нанести рассекающий удар снизу вверх. Он видел, как легко проделывал такое главный герой одного японского анимэ, окруженный двумя десятками человек с оружием в руках. Тот жестокий детский мультфильм крепко запал ему в память, наполненный какой-то силой, от которой мурашки шли по коже. Как будто это он был на месте главного героя, стремившегося отомстить за убийство отца. Много самых разных врагов тот парень встретил на своем пути перед финальным сражением с трехруким подонком, мастерски владевшим как мечом, так и огнестрельным оружием.

В комнате же юного Ильи врагов не было и не могло быть. Зато было много свободного пространства и минимум обстановки: не дай бог что-либо сломать во время его позиро-

вания с оружием в руках. Как правило, он запирался изнутри комнаты в эти минуты, чтобы избежать реакции и вопросов матери или отца и старшего брата. А эти вопросы возникли бы у них сами собой. Ведь в руках подростка визуально не было никакого меча, хотя боевой арсенал Ильи впечатлял своим богатым разнообразием. Однако, Илья чувствовал оружие в своих руках, видел каким-то подсознательным зрением, сжимал пальцами затвердевший лишь для него одного воздух. И ему не составляло труда в одно мгновение превратить отточенный до идеала японский меч в огромный пистолет, увиденный им в очередном американском боевике на экране телевизора или в Интернете, всего лишь одним жестом руки.

Это был его секрет, о котором он уже давно знал, увлекаясь киношным и видео игровым насилием. По большей части, Илью интересовало разнообразие орудий умерщвления плоти и воображение их создателей, казалось, не знавшее границ. В силу своего возраста Илья не разбирался в устройстве всех этих пистолетов, автоматов и пулеметов, а уж тем более в лазерах и бластерах в виртуальных стрелялках. Все, что от него требовалось, крепко и правильно держать оружие в руках, как в кино, при этом выбрав эффектную позу. Предсмертная же агония истекающих кровью жертв была Илье отвратна, впрочем, он прекрасно понимал, что это была не настоящая кровь. По-настоящему, он бы никогда не посмел пустить свои возможности по своему прямому назна-

чению.

Он вообще не был замечен в конфликтах, ни среди членов семьи, ни со сверстниками. Наоборот, старался уладить споры мирным путем, старался мыслить, книжки читал. Впрочем, учеба в школе, давалась ему через не хочу. Ближе к окончанию ее Илья вообще болт положил на учителей и на дурь, нагроможденную в учебниках. Последний год ему просто нужно было перетерпеть. «Шарага», потом армия. Вот туда он пойдет с охотой. Там он хотя бы посмотрит на нутро автомата Калашникова, воочию увидит его во всех подробностях, подержит в руках, почувствует каждую деталь. Хоть Илья понимал, что, по сути, ему нафиг не нужно было знать всех этих мелочей, и его сила сделает все по первому же его желанию, интерес к деталям перевешивал осознание превосходства.

Однако в свои пятнадцать с половиной лет Илья ясно осознавал ответственность перед самой чертой, перейти через которую ему не составляло труда. И его нежелание воспользоваться полученным даром имело свою актуальность до первого же подвернувшегося момента. Никогда не говори «никогда». Ведь неспроста Илье даны были свыше его способности. Ничего в этом мире не бывает случайно. Не случайно и не ради забавы.

Несмотря на свою пацифистскую категоричность, Илья разумно ожидал момента, когда ему просто суждено было воспользоваться своей силой. Непреодолимое искушение

или же путь война – вот, что его ожидало в армии. Потому что дядька уже сейчас предлагал Илье место в ментовке. Он прольет кровь в любом случае, разница заключалась в мотивации: сделает ли Илья всего один шаг за этой яркой жирной чертой, либо же пустится в целый поход по ту ее сторону.

Ему нравились эффектные киношные перестрелки, нравились все эти вспышки и искры, красочные взрывы, грохот снарядов, всесокрушающие пули и лучи лазеров и бластеров. В реальности же не было ничего подобного. В реальности Илья уединялся в лесополосе, начинавшейся метрах в трехстах от частного сектора на окраине города. В глубине ее была проложена действующая железнодорожная ветка, от которой Илью отделял широкий овраг. Там, в овраге, подросток устраивал самое настоящее стрельбище, посылая в высокую насыпь одну пулю за другой. Он всегда целился в землю, опасаясь возможности рикошета, и наблюдал за мелкими облачками сухой грязи и пыли, едва пуля достигала цели. Илья не слышал никаких хлопков выстрелов, просто сгибая указательный палец вытянутой руки, будто нажимал на курок. Даже он визуалью не видел никакого оружия перед собой в этот момент, зато ясно его представлял. Обычно это был большой черный пистолет, с длинным стволом и крупнокалиберными пулями, иногда, с оптическим или лазерным прицелом. Для большей крутости. Никакой отдачи в момент выстрелов не происходило. Оружие совершенно удобно было держать в руках, Илья не боялся

его выронить, да и выронить-то было нечего.

А вдоволь настрелявшись, Илья совершенно свободно махал своим мечом, вслушиваясь в свист рассекаемого лезвием воздуха. Срезал ветки и верхушки травы, оставлял на земле тонкие едва видимые полоски. И тогда он уже совсем не боялся покалечиться. И ему казалось, что каждое его движение было выверено до идеала, что он был настоящим мастером, знающим свое дело. И что-то происходило в мозгу. Будто Илья выходил за пределы сознания, оставляя вместо себя бездушный боевой автомат, каждое движение которого было запрограммировано без возможности каких-либо сбоев. Постепенно его движения ускорялись, а к мечу добавлялся пистолет. Под конец своих упражнений Илья оборонялся и нападал одновременно.

И про себя он думал, что, возможно, где-то в этом мире есть еще люди, наделенные точно таким же даром. Вполне возможно, что наделены они этой силой специально друг против друга, что однажды им уготовано встретиться лицом к лицу, чтобы раз и навсегда выяснить между собой отношения. Но тогда и сам Илья мог бы однажды встретиться с таким человеком. А вдруг спор между ними можно будет разрешить миром? Что будет тогда? Не потеряет ли он свою силу, предназначенную специально для кровопролития? Готов ли он будет расстаться с ней?

Он понимал, несмотря на свой юный возраст, всю жестокость этого мира. Что далеко не все можно было решить

без упора на насилие, что далеко не все люди хотели бы решать конфликты не кулаками и оружием, и загонять свое «Я» на самую глубину, денно и ночью обрабатываемые чернухой с экранов телевизоров, и это давно стало нормой. Далеко не все люди занимались чтением книг, события в которых должны были бы заставить делать соответствующие выводы. Он родился в мире, приведенном к крови и насилию ради личной выгоды и лжи, очень похожей на правду. И он должен был что-то уметь, чтобы достойно встретить опасность. И Илья понимал, что кроме этой могучей силы у него больше не было никакой годной защиты, и даже подвешенный язык его не всегда мог сработать против особо отмороженных индивидов.

И хоть он сомневался, но, однако, верил в то, что эта сила будет с ним до конца. Верил, в то, что ему не стоило забывать о ней. А потому не изменял периодическому просмотру всякого киношного дерьма с обилием перестрелок и сеансам за виртуальными боевиками и экшенами. Они снились Илье по ночам, затягивали настолько, что он проваливался в беспробудный сон невероятно быстро и до самого утра. И при пробуждении он все больше чувствовал свою готовность к тому миру, который окружал Илью глухой холодной стеной. И чем больше он был готов (и армия была первым, по-настоящему, серьезным испытанием) тем захватывающе представлялись предстоящие приключения в его мозгу. Со всем как в книжках, что он читал.

...без окончания...

Глава 5. Господин раб (альтернативная версия)

... -У тебя не слипнется в одном месте? – логично не смог сдержаться Валера после того как Жорик указал молодой симпатичной продавщице на выбранные им бисквитные с кремом пирожные.

Жорик намеревался купить целых шесть штук их, свежих и ароматных, которых Валера переел лет пятнадцать назад, и к которым выработал стойкий иммунитет. Жорик же не скрывал своего пристрастия к сладкому, позволяя его себе почти каждый день. Но на самом деле Валера знал об этой странной сделке, рассказанной Жорой ему однажды. И сладости, к которым Жора действительно тяготел с детства, действительно сладости, такие как шоколад, карамель, варенье, с большим количеством сахара, грозившие ему серьезными проблемами со здоровьем, странным образом не несли в себе, по-настоящему, негативных последствий. Другое дело, заключенная Жорой договоренность.

– Ну и хер с ним, – заявил Жора, ничуть не смутившись легкой улыбки на лице продавщицы.

Да, стеснение не было его чертой. Жора допускал грубые словечки или мог послать кого угодно, не обращая внимания ни на пол ни на возраст. Работа по обслуживанию населения однозначно придавала ему уверенности над окружающими

его людьми, мол, они должны были Жоре вечно в ножки кланяться за его труд.

Впрочем, куда более жестким Жора был по отношению к самому себе. Если бы он закатал рукава своей рубашки вчера вечером, Валера своими глазами увидел бы изрезанные его руки, а так же был бы свидетелем множества колотых ранок на его ладонях и огромного количества синяков на теле своего друга, даже на голове, недоступных стороннему глазу из-за густой Жориной шевелюры. То были результаты Жориного недовольства собственной неуклюжестью и спешкой, с которыми он ничего не смог сделать. Это на рабочем месте у него все более-менее получалось, и Жора мог не думать о неудаче. В быту же зацепить пальцем ноги дверной косяк, либо же выронить из рук столовый прибор или же кусок хлеба, нечаянно порезаться бритвой в ходе неловкого движения парню не составляло никакого труда. Как будто тело его само подстраивало подобные пакости, заставляло Жору психовать. Тогда он искренне и люто ненавидел свое тело. Он ненавидел свое тело уже только за его физиологию – несовершенную, какую-то недоработанную, убогую.

Звено в пищевой цепочке, кусок мяса, участь которого самому стать пищей в конце – разве заслуживает тело того величия, которое ему приписывают в искусстве? Максимум, необходимая гигиена. С особым удовлетворением Жорик истязал себя, взбешенный этими выходками его тела – намеренными, внезапными, и казавшимися ему неподкон-

трольными. Он не хотел бы дожить до старости со всеми ее мучениями и ужасами, наблюдаемыми им своими собственными глазами.

Жора ненавидел свое тело даже когда вкусно и сытно наедался. Бывало, наедался так, что потом ложился на кровать не в силах подняться с довольным выражением на лице. И тогда он просто лежал под звучащий в наушниках психоделик транс, закрыв глаза, и чувствуя как погружается в сон. Жора редко готовил себе горячее, если вообще готовил. Нет, он привык к сухомятке, нередко прибегая к покупным салатам. Либо отваривал себе кастрюльку макарон с тушенкой или сосисками.

Что касается сладостей, то они удивительно быстро, можно сказать, за пару минут заживляли все его синяки и порезы. Но для полного исцеления, чтобы не осталось и намека на увечья, необходимо было как можно больше сахара в крови. Чтобы кровь прилиwała к голове и поднималось кровяное давление, а голова чуть кружилась, притормаживая все его движения. И Жора почти никогда не повышал уровень сахара в крови до такой степени. Всего раз или два с того момента как обнаружил эту особенность своей физиологии. Тогда он понял, что его тело было не против этих самоистязаний, лишь бы он пичкал себя сладостями почаще. Тем более, что на сладкое Жора был падок с детства.

Не по наслышке он знал, что такое быть диабетиком. Как и то, что эта гадость передается через поколение. С учетом

наличия сахарного диабета у родной бабушки Жора оказывался в группе риска. И с одной стороны он опасался сдать кровь на сахар, про себя ожидая получить положительный результат. Потому что это автоматически накладывало множество ограничений в его жизни. В сытной и вкусной еде, на которой Жорик не экономил, несмотря на его негативное отношение к своему телу. Кроме того, оставалась высокая вероятность остаться без руки или без ноги, поскольку ампутация конечностей могла произойти вследствие даже небольшой ранки (так было с одним его знакомым дедом). Вряд ли бы он смог спокойно вынести данную инвалидность, если, конечно, Жорику не суждено было уйти в мир иной раньше. Да, уж тогда бы тело отыгралось на нем сполна за причиненные ему страдания.

Альтернативой же этим неприятным перспективам служило какое-то особое чувство его возможной ущербности. Будто его возможный недуг придавал Жоре веса среди окружающих. Будто позволял смотреть на них далеко свысока. Ведь это они не понимали того, о чем Жора знал уже очень долгое время, и что так выводило его из себя. Самый минимум поблажек телу, жесткий контроль, как можно больше нагрузок, как физических, так и эмоциональных. Это было нормальное его состояние, без которого Жора уже вряд ли смог бы иначе. Постоянный стресс, постоянное чувство усталости, постоянное раздражение.

Те шесть пирожных с кремом, по поводу которых Вале-

ра сделал свое замечание, были финалом всплеска очередного психоза Жоры поутру. Сначала он едва-едва не обмочился в кровати, а потом больно ударился коленом о ножку стола, когда ставил на плиту чайник, что вывело его из себя еще больше. Нет, он наставил себе дополнительных синяков, ограничился грязными оскорблениями в адрес «тухлого поганого куска мяса», но намеревался свершить возмездие за эту «подставу» вечером. Именно с этой целью Жора затаривался сейчас сладкими пирожными. На самом же деле он понимал, что впал в зависимость от сладкого, на подсознательном уровне думая о сладостях, требуя от самого себя съесть шоколадку или что-нибудь в этом роде. Отсюда начинались все его бытовые неприятности. Там же, на подсознательном уровне, Жора хотел, чтобы они продолжались, ради очередной порции сладостей в качестве компенсации за моральный вред.

– Как же я от тебя устал, – тем не менее вздыхал он, стоя перед зеркалом, – От тебя, от чертова отродья. От каждой твоей дырки, от каждого твоего отростка...

И как будто он знал в этот момент каким должен был быть идеал, что он видел перед мысленным своим взором. Как будто он видел некую энергию, естественную, подлинную, неповторимую. Нечто нематериальное и физически доступное одновременно. Вряд ли бы он смог описать ее словами, вряд ли смог полноценно почувствовать, чтобы познать всю ее суть.

– ...от твоей скверны, ни на что полезное негодной. Ты – враг мой. Ты – мой оккупант, сделавший меня рабом.

Жора чувствовал, что закипал изнутри. Ярость медленно поднималась в нем откуда-то из самой бездны, путь к которой был ему неведом. Ярость заставляла сжимать кулаки, взяться за нож, чтобы сжать его со всей силой. Боли он не боялся: тело позволяло ему резать себя без боли в обмен на приготовленные заранее пирожные. И даже кровь не сочилась по телу жуткими алыми полосками из-под рассеченной кожи.

– Жри, сука, – приговаривал Жора, отложив нож и взявшись за сладости, – Жри, проклятая тварь.

Одно за другим пирожные исчезали у него во рту, а губы были перепачканы кремом. Жора запивал сладкое грушевым соком, пребывая в состоянии неподдельного удовольствия, уплетая сладости за милую душу. Но тем не менее он не забывал продолжать сыпать проклятьями в адрес собственного тела. Однако, уже сейчас он чувствовал легкую тошноту, вызванную перееданием сладкого.

Все только начиналось для него.

конец

Глава 6. Великая сила искусства

Всего-то каких-то восемьдесят лет прошло. Расслабившись в ванной, он без труда возвращался к началу своего появления в этом мире. О да, этот мир прельщал его со всеми своими достоинствами и недостатками, и пенная ванна позволяла Карло помнить и наслаждаться овациями и рукоплесканиями толп, ради которых он любил этот мир. Нигде более он не смог бы заставить толпу восторгаться его выступлениями, лишь один этот мир принял его однажды, восемьдесят лет назад. И тридцать из них Карло блистал и был обожаем толпой. Ни один военачальник до него не добился такой любви. И стоило ему подняться на трибуну (под всеобщие и продолжительные аплодисменты) и взять слово, как толпа замирала на миг, а подчиненные ему генералы застывали, вытянувшись по стойке «смирно». И тогда голос Карло превращался в целый оркестр, и в каждом слове его слышалась феерия эмоций и переживаний. Каждое слово его было подобно удару кнута, в которое Карло целиком вкладывал себя самого, всю свою силу, полученную с рождения, подчинявшуюся всякого с кем Карло хотел говорить.

Его голос был практически идеальным дополнением этому миру. Карло слышал бесчисленное множество хаотичных голосов и созвучий, которые кружили вокруг этого мира, не имея возможности сложиться в нечто величественное,

в единый правильный хор. И Карло мог почувствовать этот лаконичный, АБСОЛЮТНЫЙ хор каждой частицей своего природного естества, мог вкусить сладость созвучий. Так было прежде, во всех прочих мирах, посещаемых им периодически именно с этой целью. Можно так сказать, Карло питался ими, наполнялся ими вновь и вновь, взамен отдавая свою природную силу голоса, и совершая некий обмен энергиями с тем или иным миром. Ради продолжения жизни, ради естественного самосохранения. Потому что Карло не мог умереть, не имел права умереть, что непременно привело бы к дисбалансу в общем Мироздании.

Нечто похожее он видел, слышал и чувствовал и в этом мире, когда-то расфокусированном, приведенном в состояние какофонии. Первое, что Карло должен был сделать, найти нужную частоту хаоса нескончаемых голосов, пронизывающих мир насквозь, пронизывающих друг друга насквозь. И он был впечатлен их довлеющей мощью, их фантастическим прессом, сверхплотной массой, казавшейся непроходимой и вечной. Карло придется задержаться в этом мире, не с первого раза ему удастся подчинить мир своей силе, но подчиниться самому и дать выход своей сущности.

В его речах, посвященных единству, призванных держаться вместе, быть сильными и непокоренными, не было ничего заумного, что содержало бы в себе глубокий смысл, доступный только единицам. Все было просто, Карло никогда не считал себя глубоким мыслителем. Его яростная непо-

колебимая сила сама собой прорывалась в речах, приятно овладевала им, напрашиваясь на то, чтобы под конец быть обузданной. И Карло одерживал над ней верх, подчинял себе, направлял в свои нехитрые лозунги. Отчаянная жестикуляция его, слегка повышенный голос, и бешенная энергетика, доведенная до блеска в глазах были тем самым, что подчиняло и заводило толпу. Ярость передавалась и бурлила в ней. Его же речи записывали на магнитофоны, передавали по радио и телевидению, и толпы хотели слышать выступления своего любимца диктатора еще и еще. И голос Карло витал в воздухе постоянно, даже вне его обращений к нации. Благодаря его речам перед толпой, уровень ее патриотизма держался на максимально высоком уровне. Тогда Карло схватил толпу железной хваткой, и чувствовал ее напряжение, целый клубок энергий, все еще хаотично взаимодействующих друг с другом, но уже не грозивший выскользнуть из рук.

Животная дикость, буйство примитивных инстинктов, даже запах крови – толпа искала выход своим эмоциям, своему гневу, накопленному за несколько лет. Карло указал толпе этот выход. Конец угнетениям, конец социальному неравенству, конец господству нечестно нажитых капиталов, приведших страну к пропасти. Пришло время заявить о себе, вспомнить своих предков. Пришло время показать всему миру национальный дух. Буйство толпы достигало предела, Карло слышал страшное многоголосье в своей голове, ден-

но и ночью не прерывавшееся ни на миг. Это была очень грозная сила, которая могла погубить и его самого. Карло слышал в ней грохоты взрывов бомб и предсмертные крики, взявшие в кольцо весь этот мир. Всеобщая ненависть друг к другу, разделявшая целые народы, требовала своей кульминации, и он должен был позволить тому случиться. И ему не составляло труда заставить свой голос реветь жутким львиным ревом, он прекрасно владел своими возможностями.

И они никуда не делись спустя три десятка лет после ужасной войны, охватившей целый свет. В конце ее диктатор конечно должен был умереть. Но он помнил все, возродившись в другом теле, на другой территории, где, кстати, тоже гремели его пушки, и кровь лилась рекой. Но не было больше беспредельно давящей массы в хаосе бесчисленных голосов. Теперь это был другой хаос, легкий, бесцельный, как будто утративший весь смысл своего существования. И истощенный мир снова нуждался в нем, и по-другому просто не могло быть.

Вот уже почти десять последних лет он выходил на сцену в свете софитов. Выходил, чтобы петь в составе рок-группы, которую основал сам. Он пел так, как должен был петь рожденный для выступлений перед толпой Карло, так, как велел ему его голос, как велела ему его собственная природная сила. Впервые спев на арене перед десятитысячной публикой, Карло испытал невероятную теплую волну, которая накры-

ла собой все вокруг, нахлынула сверху, прямо с небес, накаркала на каждого, кто находился в тот момент на концерте. Это он, Карло, вызвал ее, заставил родиться будто из ниоткуда. Нет, его голос звучал не крутячки, его голос лучился, кристально сиял тонкими нитями, его голос вползал прямо в сердца собравшихся услышать его людей. Его голос окрылял их. Потому что окрылял самого Карло. Плавное дыхание толпы звучало в унисон с его собственным, ласкало, успокаивало все вокруг, размягчало сам воздух. Голос Карло был тем воздухом, все движения вокалиста по сцене были полны заботой о тех кого он видел со своего места. Все происходило ради собравшихся зрителей. Драйв и визуальные эффекты, сопровождавшие выступление группы, все было едино, гармонично, расслабляющее четко.

Теперь о нем и его группе знал весь мир. Хит за хитом, и в большинстве случаев все это были его песни, к которым он придумывал мелодии, а группа исполняла их под его руководством. Десять лет – восемь пластинок с прекрасной музыкой и голосом, прекрасным в студии, но еще более красочным и волшебным на живых выступлениях. Карло хотели слышать и подпевать, кажется, все. Он хотел выступать только на больших площадках – на аренах и стадионах, голос и экспрессия его лишь усиливались перед толпой в сто тысяч человек, и все дрожало вокруг в упоении. Перед настолько многочисленной публикой Карло чувствовал себя в своей среде, стоял на гребне волны, откуда мог манипулировать

людской массой всего одним пригласительным жестом руки. И тогда стадионы взрывались в ответном приветствии, и между Карло и толпой выстраивался незримый, но невероятно прочный канал, по которому лился поток его могучей раскрывшейся силы голоса.

Карло играл на сцене. Не так яростно как было в прошлом его воплощении диктатора, со звериным огнем в глазах, что сжигал в буйстве жаждавшую справедливости нацию, и чем Карло наслаждался, однако все так же изматывающе. Нет, не для самого Карло, который, кажется, не знал усталости, впрочем, сила его так же нуждалась в передышке и подпитке. Просто физическое тело, занимаемое им, что в прошлый раз, что теперь, не было подготовлено к таким нагрузкам, и требовало постоянной подкачки до прежнего уровня сил. И ему требовалось все самое лучшее из того, что мог предложить этот мир. Получив признание и славу мирового уровня, став финансово состоятельным, Карло мог позволить себе купить шикарный дом с бассейном и большой ванной комнатой, а во время гастролей – поселиться в дорогом отеле с дорогим алкоголем. В сочетании с пенной ванной алкоголь расслаблял, позволял Карло мыслить, погружал в бездонный океан воображения и мягких сюрреалистичных образов. Всего один небольшой глоток красного вина был способен отправить Карло в далекое увлекательно путешествие за пределы знакомых ему миров, туда, куда ему открывала дорогу его собственная фантазия.

И почти всегда его физическое тело засыпало на несколько часов, чтобы потом почувствовать огромное облегчение и прилив свежих эмоций и впечатлений. Именно в эти минуты Карло понимал, что у него появлялось сразу несколько новых идей для исполнения. Воплощаемые на бумаге в виде зарифмованных строчек образы не исчезали вплоть до окончания перенесения их на черновик, и даже после тщательной шлифовки в студии Карло мог сказать как было в самом начале. Написание песен для него не составляло труда. Любая идея развивалась в нем сама собой, и чаще всего от Карло требовалось выразить ее на языке, доступном для этого мира, который все больше вливался в него, стремился к желаемому мастером балансу.

Близился момент, когда Карло предстояло покинуть этот мир. Его миссия шла к завершению, и все чаще, пребывая в пенной ванне с бокалом вина, он задумывался о смерти физического тела. Пуля в голову диктатора в прошлый раз не имела ничего общего с развитием болезни физического тела всемирно известного и любимого певца. Так и должно было быть. Опухоль оказалась неоперабельной, и об этом никому не было известно, даже самым близким друзьям, его окружавшим. Карло знал о болезни задолго до того как врач поставил страшный диагноз, а потому готовился к неизбежному для тела концу. Оттого песни его становились все более насыщенными, глубокими в чувствах и мыслях. Последней же публикой на живом выступлении его группы ста-

ла трехсоттысячная толпа, над которой Карло будто парил в небе, проливая целебный для души дождь. Он и сам был поражен той мощью, на которую оказался способен, которая открылась в нем в тот момент. Хотя он и ожидал нечто подобное в качестве кульминации своих выступлений в роли певца, его сила оказалась куда грандиознее. Тогда никому во всем мире не удалось бы превзойти его в его возможностях, тогда мир почувствовал долгожданное равновесие, осязаемое самим Карло. Тогда он, кажется, предстал перед толпой в своем подлинном обличье, вырвался из физического тела, чтобы вспыхнуть перед толпой невысказанным светом, который простирался бы насколько хватило глаз. Ни ангел, ни демон, неподвластный уму, неподвластный физическим законам, не имеющий формы, только безграничное сознание, сжатое в тесном сосуде до критической массы.

Где он сейчас?

...без окончания...

Глава 7. Позолоти ручку

Это все неправда, что нельзя играть на гадальных картах, что они теряют свои свойства после партии в «дурака», или в «козла». Я бы сказал, что для них это куда больший отдых чем простое развлечение игроков. Стандартную колоду в тридцать шесть карт, показавших мне впоследствии все, на что они оказались способны, Валерчик купил на ж/д вокзале на свои деньги. Ему совсем не было жаль потратить эту сотку (или что-то около того, неважно) на то, чтобы скоротать почти два часа пути в поезде, а потом оставить новенькую колоду на радость другим пассажирам.

– Я лучше себе заберу, – сразу воспротивился я, чему Валерчик не возражал.

И первую странность проявилась практически сразу, едва мы начали с Валерчиком игру, и начальная четверка карт оказалась в моих руках. В отличии от карт в руках моего оппонента, но славного кореша по жизни, те карты, что держал я, были окружены каким-то золотистым сиянием, своего рода аурой. Оно было совсем нечетким, бледным, но видимым моему глазу. Поначалу я решил, что мне просто показалось. Но нет, всякий раз, когда я касался колоды, чтобы «снять» очередную карту, я видел это свечение, которого не было при соприкосновении с картами пальцев Валерчика. Он заметил мои растерянность и смятение. Я не стал скрывать своих на-

блюдений, и предложил поменяться картами, хотя уже предвидел очевидный исход. Так и получилось: ничем не выделявшиеся карты в пальцах Валеры в моей хватке приобрели свою ауру. Она же пропала как только карты из моих рук перекочевали в руки моего кореша.

– Понятия не имею, что за херня, – не сдержал я своих эмоций, – Какая-нибудь химия. Надо заканчивать с этими «спрайтами» и «фантами». Сто пудов, из-за них.

В то время как Валерчик приобрел на вокзале только лишь колоду игральных карт, я, затарился двумя «Сникерсами» и полторашкой «Фанты». Это Валерчик категорически отвергал всякую химию, которой, по его словам, были накачаны все эти, типа, сладости.

Мы сыграли еще раз, после чего он собрал все карты в колоду, которую хотел было выбросить из открытого окна вагона:

– От греха подальше.

Но хотя я пребывал в состоянии недоумения от своих галлюцинаций, все же было в них что-то такое, что казалось мне и интересным и захватывающим воображение. Все-таки, про себя я приходил к мысли, что ни к какой газировке они отношения не имели, что никакой химией или излишней токсичностью, воздействовавшей на мой мозг подобным способом, здесь и не пахло. А потому я поспешил остановить Валерчика от его намерений буквально выбросить деньги на ветер и сунуть странную колоду себе в карман штанов. Вместе

с тем, про себя я решил прикупить еще одну колоду карт, уже на вокзале в пункте назначения. На тот момент я был уверен в том, что мне действительно это было нужно.

А уже на месте, я мысленно махнул рукой на свою уверенность, подозревая, что и с другими картами произойдет то же самое сияние. Ну и пусть. Это значит, что в моей, возможно, скучной, но вполне удовлетворявшей меня самой жизни что-то менялось. Неожиданные обстоятельства, форс-мажор, уготованный мне свыше, если хотите, приключение, нашедшее меня без моего согласия. Не в первый раз.

Что ж, золотое сияние касалось всех карт, и никак не помогло бы мне сжульничать при игре. А значит оставалось гадание, которым я никогда раньше не занимался. Нет, конечно, некоторые значения мне были известны, впрочем, всегда можно было воспользоваться услугами Интернета. И я пользовался, иногда прибегая к одному известному мне способу узнать ближайшее будущее. Этаким быстрым расклад.

Оказавшись, наконец, дома и достав карты из кармана штанов, я не обнаружил вокруг них недавней ауры. Как будто ничего и не было. Ни одна из карт не сияла золотым светом. Однако при моей попытке прибегнуть к знакомому мне раскладу (в принципе, не имевшему под вечер значения), я испытал неприятное покалывание в пальцах. Словно карты неожиданно обросли острыми иголками, больно впивавшись мне под кожу, отбивая у меня всякое желание обратиться к ним за прогнозом. Как будто знали, что я намере-

вался сделать. А вот на пасьянс, однажды показанный мне одним знакомым, вроде как раскладываемый самой Екатериной Второй (и за всю жизнь это ей удалось всего раз или два), карты отозвались вполне доброжелательно. И вновь я наблюдал свечение вокруг них, а в голову настойчиво лезли странные позитивные мысли. Слишком позитивные и многообещающие.

То был последний вечер моего отпуска, но впереди оказывалась пятница, за которой следовала пара новых выходных. И на работу утром я направился с бодрым настроением, не забыв, при этом, прихватить с собой карточную колоду. В бытовке я появлялся всегда за час до начала рабочей смены, приходил, чтобы позавтракать, а теперь в мои планы входило разложить пасьянс на новеньких атласных картах. Сначала пасьянс, чтобы зарядить их положительной энергетикой, а уже потом попытаться узнать о предстоящих событиях дня.

На мое удивление я оказался в бытовке не первым. Жилистый белобрысый малый Ванька Петров, самый молодой в нашей смене, демобилизовавшийся всего чуть больше полгода назад, уминал аппетитное содержимое термоска, собранного недавней женой, явившись на работу за пятнадцать минут до меня.

– Ехать в Мухосрань, – пояснил он, жадно работая челюстями, – Машину еще вчера собрали, решили отправить пораньше с утра. Но все равно приеду не раньше семи вечера:

там п...ц полный... Ну-ка, брось картишки, хочу знать как дорога будет, – улыбнулся Ваня, едва заметив свежую колоду карт у меня в руках.

В бытовке имелась колода карт, потрепанных, надорванных, замусоленных. Я пользовался ими, и Ванька знал об этом, видел воочию. И не только он один. А как-то раз за пасьянсом меня застал управляющий. Сказал, что «даст втык», но на первый раз простил.

– погоди, сначала пасьянс разложу, хотя бы раз. Надо придать картам настрой.

– Чудно, – усмехнулся Ваня в ответ.

Он молчаливо наблюдал за тем как у меня не получилось с первого раза. Но, тем не менее, я вновь перетасовал колоду, тщательно, и чувствуя знакомое покалывание в руках. Внутренняя сила тормозила меня извлечь из колоды карты, значение которых хотел узнать Ванька.

– Давай сам, – предложил я, сделав про себя необходимый вывод.

– Серьезно?

– Да хрень все это про одни руки, – со знанием дела, чего не было прежде, уверял я, и сам поражался своей настойчивости.

Просто колющие ощущения утихли как только я разложил колоду веером перед Ванькой рубашкой кверху. Лишь некоторые из карт сияли, те, которые он должен был вытянуть. Больше того, я даже видел, какое именно значение име-

ла каждая из них. Как если бы держал карточный веер открытым. Я видел как золотое сияние потянулось к рукам Вани, направляя их к нужным картам, заставляя выбрать именно их из всех прочих. Конечно, он думал, что сам выбирает, но по факту все обстояло не так. И это карты управляли им, отведя мне роль наблюдателя. До этого момента я все делал сам, и если меня просили (ради забавы), тот же Ванька, «раскинуть на день», я доставал карты из колоды своими руками. Как я уже сказал, никто из ребят, с которыми я работал, не воспринимал эти мои прогнозы всерьез, хотя бы потому, что, я пользовался старыми, засаленными, и бесчисленное количество раз играными картами, естественно непригодными для гаданий.

Ванька вытащил из колоды все сиявшие золотым светом карты, после чего я полез в свой айфон, чтобы выйти в Сеть. Ваня выслушал мои пояснения к тому, что себе навывбирал. Прогноз его порадовал, по крайней мере, я видел улыбку на его лице, настолько Ванька получил позитивный настрой в предстоящий рабочий день. Разумеется, он не воспринял предсказание всерьез, просто хотел услышать что-нибудь хорошее, чтобы пережить, самый сложный из всех его рейсов, действительно тягомотный и утомительный.

Я же понимал, что карты на самом деле намеревались влезть в чью-то жизнь и нарушить сложившийся в ней порядок вещей. В этот раз в положительную сторону. И я даже слегка завидовал Ване в том, что его ожидало. А где-то чуть

глубже я трепетал от мысли, что в моих руках вдруг оказалась серьезная сила, разбуженная, скорее всего, моим собственным стойким нежеланием что-либо менять в своей монотонной жизни. Это за друзей и знакомых я радовался, когда у них происходило что-либо приятное или торжественное вроде свадьбы или рождения детей, а то и свалившегося на голову денежного прибýtка. И огорчался, если случались неприятности. И с этой мыслью я ложился спать прошлым вечером. Сила же новенькой карточной колоды и пугала и восхищала меня одновременно. Кажется, я не должен был вмешиваться, тупо предоставляя картам возможность влиять на чью-либо судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.